

Образы кладбища в картине мира православного духовенства и их влияние на народную культуру (на материалах церковной публицистики конца XIX – начала XX века)

Анна Андреевна Бушуева

Курганский государственный университет, Курган, Россия
Email для связи: anna_b2022@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы представления православного духовенства о кладбище как особом моральном пространстве, отразившиеся в церковной публицистике Тобольских, Пермских, Рязанских, Вятских, Курских и Омских епархиальных ведомостей. Во-первых, рассмотрено, какие ценностные коннотации соответствовали образам кладбища, какие роли оно играло в системе религиозных символов и аллегорий и в различных эмоциональных сценариях, насколько близким («своим») или далеким («чуждым») казалось представителям духовного сословия. Во-вторых, исследовано, насколько положение кладбищ в этой ценностной системе соответствовало их реальному состоянию на материально-бытовом уровне, а также как оно сочеталось с народной картиной мира: на пути от церковного идеала к обыденной практике священниками как наблюдателями-критиками отмечалась повсеместная неблагоустроенность кладбищ, множественные конфликты между причтом и крестьянами (сектантами, «малороссами»-переселенцами в Сибирь) за фактическую и символическую власть над пространством захоронений. Расхождения между церковным и народным образами кладбища (и шире — отношением к смерти) проиллюстрированы изучением такого аспекта, как специфическая культура могильщиков, физически приближенных к территории мертвых подобно священникам, но во многом мировоззренчески и поведенчески далеких от церковного идеала.

Ключевые слова: русская православная церковь, православное духовенство, церковная публицистика, кладбища, танатология, история смерти, ментальность

Цитирование: Бушуева А. А. 2023. Образы кладбища в картине мира православно-го духовенства и их влияние на народную культуру (на материалах церковной публицистики конца XIX – начала XX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 97–113. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-97-113>

Поступила 30.11.2023; одобрена 13.02.2023; принята 13.02.2023

Images of the cemetery in the worldview of the Orthodox clergy and their influence on folk culture (the case of church journalism of the late 19th – early 20th c.)

Anna A. Bushueva

Kurgan State University, Kurgan, Russia
Corresponding author: anna_b2022@mail.ru

Abstract. This article analyzes the ideas of the Orthodox clergy on the cemetery as a special mortal space, reflected in the church journalism of the Tobolsk, Perm, Ryazan, Vyatka, Kursk, and Omsk diocesan journals. Firstly, the author considers how the cemetery images were associated with the system of religious values, what roles it played in the system of religious symbols and allegories, what emotional patterns it was embedded in, how close (“friend”) or distant (“foe”) the cemetery was perceived by the clergy. Secondly, the article shows to what extent the position of cemeteries in the system of values corresponded to their real state at the material and everyday level, and to what extent they fit into the folk worldview. On the way from the church ideal to their everyday practice, priests as observers and critics noted the widespread inconvenience of cemeteries, multiple conflicts with peasants (sectarians and settlers in Siberia) for actual and symbolic power over the burial space. The discrepancies between the church and folk views of the cemetery (and, more broadly, the attitude towards death) are illustrated by the study of such an aspect, as the specific culture of gravediggers, who are close to the dead like priests, but in many aspects, they are ideologically and behaviorally far from the church ideal.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, church journalism, cemeteries, thanatology, history of death, mentality

Citation: Bushueva A. A. (2023). Images of the cemetery in the worldview of the Orthodox clergy and their influence on folk culture (the case of church journalism of the late 19th–

early 20th c.). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(1), 97–113. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-97-113>

Received Nov. 30, 2023; Reviewed Feb. 13, 2023; Accepted Feb. 13, 2023

Введение

Церковная публицистика конца XIX – начала XX в. — перспективный источник для изучения картины мира православного духовенства, бывшего одновременно основным творцом и читателем епархиальных журналов. Важной составляющей картины мира являются представления о смерти, в частности — образы места захоронения мертвых этой культуры, смыслы и символы, связанные с ним, способы говорить о кладбищах, вписывать эти экстраординарные пространства в контекст обыденной жизни. Место, занимаемое телами мертвых членов национальных, религиозных и пр. сообществ в их идеологии и повседневной жизни, — важнейший компонент в понимании господствующей в этих сообществах парадигмы человеческой жизни, убеждений о ее содержании, смысле, протяженности, формах (телесное земное бытие, посмертное бестелесное, посмертное в качестве памятной фигуры, «почитаемого предка» и др.). Кроме того, актуальность работы состоит в возможности соотнести ее выводы с танатологическими представлениями современной российской культуры, в которой по сию пору силен религиозный фактор и преобладает погребение умерших на кладбищах.

В историографии интерес к изучению кладбищ реализовался главным образом в двух направлениях исследований: рассмотрении их организационно-управленческой истории и рассмотрении их роли в народной культуре. Материальные стороны бытования кладбищ второй половины XIX – начала XX в. — управление, взаимодействие городских и церковных властей по «кладбищенскому вопросу», доходность, благоустройство и поддержание порядка — изучались многими авторами [Леонтьева, 2002, с. 20–21; Конюченко, 2006; Филиппова, 2009; Загваздин, 2017; Миронова, 2018; Акульшина, 2020]. Бытовавшие в народной культуре предписания, запреты и суеверия, связанные с местами захоронений, календарно-поминальная обрядность отражены, в частности, в работах [Седакова, 2004; Андрюнина, 2015; Мерридейл, 2019]. При этом, насколько известно, проблема существования особого взгляда духовенства на кладбища не становилась предметом отдельного исследования и не рассматривалась через призму епархиальных ведомостей.

Соответственно, цель данной статьи — используя материалы церковной публицистики конца XIX – начала XX в., выявить отношение духовенства к кладбищам (их место в системе ценностей и символов, эмоциональные коннотации) и соотнести его с обыденной практикой: Как церковный идеал воплощался в жизнь? Разделялись ли взгляды духовного сословия широкими народными массами или оставались локальным феноменом? В качестве источника использованы статьи из Тобольских, Пермских, Рязанских, Вятских, Курских и Омских епархиальных ведомостей.

Результаты и обсуждение

Церковные писатели конца XIX – начала XX в. разделяли убежденность в том, что кладбище — это «святое» («священное») место, «нива Божья», забота о котором — долг каждого христианина [Невский, 1891, с. 22; Берегите могилки, 1896, с. 278; Д. Н. Р., 1899, с. 322; Антоний, епископ Тобольский..., 1901, с. 370–371; Вырыпаев, 1903, с. 67]. Они обосновывали заботу о кладбищах почитанием предков, уважением к праху человеческого, предназначенному для воскресения, памятью о собственном «смертном часе» [Изгородь для кладбищ, 1891, с. 339; Вологдин, 1898, с. 127–128; Антоний, епископ Тобольский..., 1901, с. 371; Хоротевский, 1908, с. 453].

При этом смысловая наполненность образа кладбища в их творчестве глубже, чем представление о нем как о конкретном земельном участке для погребения мертвых.

В ряде случаев образ кладбища в церковных сочинениях может быть прочтен как аллегорическое изображение всего земного мира. Главная идея статьи священника С. С. — что разрешение вопросов о смысле жизни и смерти осуществимо только в букве религии — эмоционально заостряется в сцене, разыгранной в пространстве абстрактного кладбища:

«Человек ходит по кладбищу, между могильными холмами, памятниками и крестами, углубляется в свои думы и спрашивает: все, которые схоронены под этими холмами, памятниками и крестами, — которые думали, страдали, радовались, а теперь сделались добычей червей и тления, навсегда погибли или живы они, и не пропали бесследно их думы, страдания, радости? А когда я буду страдать на одре болезни, — раздумывается далее человек, — и буду ждать смерти, то — что такое смерть? Куда мне тогда обратиться свои взоры? где искать помощи? за какой якорь ухватиться?» [С. С., 1910, с. 421].

Поставленный автором на воображаемом кладбище, среди бескрайнего пространства «холмов, памятников и крестов», читатель подводится к мысли, что таким «якорем» может быть только религия, потому что без научных ответов об устройстве мироздания человек не погибнет (физически и духовно), а без религиозных — «жить невозможно и ужасно умирать» [С. С., 1910, с. 421].

В проповеди епископа Тобольского и Сибирского Варнавы кладбище — это место, открывающее истину — тщету земного: когда некий старец посещает склеп, где погребены две сестры, одна из которых при жизни славилась красотой, а вторая — безобразием, он видит в нем неотличимые друг от друга кости, из чего выводит мысль о незначительности «скоропреходящих земных благ» перед лицом смерти [Епархиальная хроника, 1914, с. 316].

Кладбище здесь — пространство, где замедляется и расширяется временная перспектива, происходит переход к мышлению поколениями, веками, «конечными истинами». Здесь «всё говорит о ничтожестве и тленности земной жизни» [Воззвание, 1905, с. 60], «всё от житейской влечет суеты» [Меньщиков, 1888, с. 223].

Важный элемент восприятия погребального пространства — связь кладбища и сада (рощи): природа символически излагала религиозную мистерию жизни и смерти. Известный богослов Игнатий Брянчанинов писал о «круге вековых деревьев», осеняющих мо-

гилы его предков [Брянчанинов, 1848]; деревья символизировали долговечность на фоне краткой человеческой жизни — они стояли, почти не изменяясь, в то время как росло число могил у их корней (ср.: «ветвистые березы, которые пережили и переживут еще тысячи людей» [Верещагин, 1909а, с. 282]); листья обозначали краткую, но постоянно возобновляющуюся жизнь — «сменяются на поверхности... поколения человеческие, как на деревьях листья» [Верещагин, 1909а, с. 282]. «Прелести цветов» и «трепетание листьев», напоминая о «красоте духа человеческого», аллегорически изображали хрупкость телесной красоты, уничтожающейся смертью-зимой до весны-воскресения [Д. Н. Р., 1899, с. 325] («Что наша жизнь? Почти то же, что и жизнь листка на древе!» [Брянчанинов, 1848]). По словам священника Г. Е. Верещагина, «воскресающая на могилах зелень» служила «живым напоминанием одиннадцатого члена символа веры», а «шорох трав, растущих на могилах, как бы говорил загробным жителям: привет вам, сокрытые в земле! Подобно зелени, и вы воскреснете» [Верещагин, 1909а, с. 282].

Также среди природных мотивов в описании кладбищ выделяется гендерно атрибутированный образ земли: «мать-земля сырая» [М. К., 1902, с. 446], «мать — земля родная», «холодная земля» [Свящ. В. Г. Серков, 1903, с. 181]; присутствует мотив «возвращения» человека в землю («тело, созданное Богом из земли, должно отойти в землю» [Свящ. В. Г. Серков, 1903, с. 181]), в ее материнские «объятия» («гроб с телом приняла в свои объятия мать-земля сырая» [М. К., 1902, с. 446]), в состоянии родового покоя-небытия. Эпитеты «сырая» и «холодная» (лишенная тепла, света, жизни), характеризующие мир смерти, соответствуют глубинным народным представлениям о нем [Седакова, 2004, с. 141]. Таким образом, под спудом более новых религиозных наслоений продолжали свое существование архаические константы мифологической народной культуры.

Природные образы могли использоваться для подчеркивания контраста между мертвым и живым, усиления эмоционального воздействия. Например, в стихотворении, место действия которого — кладбище, мрачная картина — «береза высокая слезы прощальные на землю льет» у свежевыкопанной могилы — противопоставлена описанию того, как в отдалении, торжествуя жизнь, «птичка... песню поет» [Меньщиков, 1888]. Подобный же контраст воспроизведен некрологом, свидетельствовавшим, что «гроб с телом Николая Ивановича [скончавшегося псаломщика сельской церкви — прим. А. А.]... принесен был к могиле, возле уже распутившихся больших лип, на приходское кладбище...» [Елистратов, 1916, с. 388].

Духовенство приветствовало сближение кладбищенского пространства с пространством обыденной, повседневной жизни, призывая прихожан к регулярным посещениям могил для своего рода наглядных уроков богословия I. По мнению епископа Тобольского и Сибирского Антония, они способствовали более «удобной и легкой» моральной подготовке христиан к загробной жизни [Антоний, 1901, с. 370]. Епископ Пермский и Соликамский Андроник на страницах Пермских епархиальных ведомостей выразил

¹ Этот мотив встречается в 5 из 34 статей о кладбищах, выделенных нами в епархиальных ведомостях.

уверенность в том, что после наведения порядка на кладбищах было бы «приятно всякому побывать на родных могилах, мысленно побеседовать с почившими, успокоиться от дряг житейских, помолиться и об упокоении душ усопших рабов Божьих» [Не нужно забывать..., 1915, с. 412]. Священник Г. Е. Верещагин приписал такую склонность горожанам Елабуги: по его словам, на Елабужском городском кладбище любил прогуливаться «всякий елабужец» (к числу которых относился некоторое время и сам публицист): там «они нередко предавались мечтаньям о загробном мире» [Верещагин, 1909а, с. 281–282]. Остается открытым вопрос, действительно ли он наблюдал множество елабужцев, совершавших религиозно-философские хождения между могилами, или же художественной вольностью приписал собственный опыт широкому кругу лиц. Самому Г. Е. Верещагину прогулки на кладбище приводили на ум «пророчества о человеческих костях», «слова Спасителя и Апостолов о воскресении мертвых» и поэзию А. С. Пушкина: «И сколько здесь ни видно нас — / Мы все сойдем под вечны своды, / И чей нибудь уж близок час» [Верещагин, 1909а, с. 281–282].

Некрологи подтверждают действительное бытование в среде духовенства практики посещения кладбищ для обретения утешения в жизненных тяготах подле родных могил, осмысления собственной смертности: это место притяжения, а не источник страха, не мучительное напоминание, которое следовало бы предать забвению. Священник С. Е. Унжаков незадолго до смерти «под давлением... мрачных дум и тайных страданий» часто навещал могилы родителей [Некролог, 1913, с. 411–412]. Священник С. Веселовский в год перед смертью обрел привычку «идя на свои трудовые поля, почти каждый день проходить мимо кладбища и по самому кладбищу, а воротясь домой... шутиво говорил, что „выбирал себе местечко на кладбище“...» [Егоров, 1915, с. 127].

Мотив «досугового» посещения кладбищ в церковной публицистике нередко сочетался с идеей заблаговременного выбора места собственного упокоения. В глазах духовенства забота о своей могиле и ее окружении указывала на духовную зрелость личности, готовность рассуждать о смерти без ужаса и отрицания. Кроме упомянутого С. Веселовского, выбрали место своего упокоения священник В. Серебrenников, пожелавший упокоиться на приходском кладбище: «С миром жил, с миром и лягу» [А. М., 1913] (подразумевается — не в церковной ограде, а наравне с простыми членами сельской общины), и священник Т. П. Карпов, распорядившийся похоронить его «около западных ворот церковной ограды, на месте... облюбованном им уже много лет, под тенью вечно зеленеющих кедр, насаженных рукою его» [Лепехин, 1983, с. 173–174]. По указу Св. Синода от 12 апреля 1833 г., дозволялось

«при церквах, находящихся в селениях, но не в самых церквах... погребать тела местных протоиереев и священников, честно и беспорочно проходивших свое служение и христиански скончавшихся. Что ж касается прочих лиц, погребение оных при церквах в селениях допускать сколько можно реже...» [Загваздин, 2017, с. 154].

В частности, после смерти заштатного священника А. Родионова потребовалось запросить разрешение у епископа, ответившего телеграммой: «Упокой Господи старца. Разрешается» [С. О., 1916, с. 332].

В епархиальных ведомостях также присутствует упоминание о выборе своей могилы, касающееся светского чиновника, С. Ю. Витте, чью набожность епископ Тобольский и Сибирский Варнава разными способами стремился подчеркнуть на панихиде: в одном ряду с тем фактом, что Витте «много помогал беднякам», встало то, что «за пять лет до своей смерти он приобрел себе место для могилы в Александро-Невской лавре и часто навещал его» [Служения Архипастыря, 1915, с. 195] (подразумевается — размышлял о смерти, духовно готовился к ней).

Кладбище в восприятии служителей церкви — пространство особых эмоциональных переживаний: грусти (не переходящей в запретные тоску и отчаяние), своего рода меланхолической задумчивости, которые, с высоты церковного идеала, должны побудить человека к прозреванию сути человеческого бытия, к осознанию незначительности, недолговечности земной жизни по сравнению с вечной жизнью души, требующей спасения.

Эмоциональный ряд в источниках, однако, не однотонен: каждый публицист, в зависимости от раскрываемой им темы (замысла) и собственной индивидуальности, ставил свой эмоциональный акцент.

В стихотворении «На кладбище» ученика семинарии Павла Меньщикова, изобразившего сельские похороны, доминирующая эмоция — уныние/печаль. Прямые обозначения эмоций: «виды унылые», «чувства тоскливые», «слезы прощальные», «печальные головы», «тайная грусть», «горе», «плачет, рыдает», «печаль» [Меньщиков, 1888] — относятся как к кладбищенской обстановке, так и к приведшему туда крестьян событию — смерти члена общины. Эта эмоция не столько следует напрямую из поведения персонажей-крестьян, сколько приписывается им автором-«наблюдателем» (который, в свою очередь, использовал традиционную взаимосвязь между похоронами и минорной тональностью): несмотря на драматически усиленный мотив «горя», эмоции самих действующих лиц трехчастного сюжета (появление крестьян на кладбище, выполнение погребального обряда и уход) почти не находят выражения, только в их позах читается «тайная грусть» (утаенная от кого?) и — единственная из присутствующих — «плачет, рыдает» вдова. Поэт осознает и художественно подчеркивает драматизм ситуации, в то время как изображенные им участники похорон остаются эмоционально сдержанными, закрытыми (за одним исключением). Этот контраст позволил автору передать свое представление о тяжести жизни крестьян: у них нет времени на долгие прочувствованные церемонии прощания (и мотив кладбища как места досуговых прогулок и философских размышлений к ним, конечно, не относится), «наскоро», без «лишних слов» [Меньщиков, 1888] умершего хоронят — и возвращаются «на поля для трудов»; жить для них означает непрерывно тяжело трудиться. Таким образом, стихотворение повествует не только о типичной сценке на абстрактном сельском кладбище, но и о крестьянской ментальности, эмоциональной культуре, формах горевания, а точнее — о восприятии этой ментальности со стороны — поэтом-семинаристом.

Некоторое сходство в изображении народной эмоциональной культуры обнаруживается в записях священника про погребальные обычаи малороссов-переселенцев. Сельский священник Омской епархии был убежден, что малороссам присущи равнодушные к смерти близких, «безучастие», потому что они редко плачут на похоронах, отцы

не приходят в церковь на отпевание своих детей, «ссылаясь на недосуг, на полевые работы», но приходят на «тризну с обильным возлиянием „горилки“» [Из впечатлений..., 1911, с. 30–31] (хотя в данной публикации в целом прочитывается предубежденность «священника-сибиряка» по отношению к переселенцам, автор делал выводы на основе собственных наблюдений). Плач на похоронах считался в среде духовенства «хорошим тоном», признаком душевной чуткости, а также искренней любви к покойному: во многих некрологах одобрительно упоминалось, что церемония прощания с покойным вызвала слезы («не было ни одного человека, который бы не плакал» [Соболев, 1913, с. 180], «все плакали» [А. М., 1913], «вздохи и рыдания потерявших своего приходского пастыря огласили воздух» [Протопопов, 1913, с. 367] и т. п.).

В то же время демонстративно-эмоциональные народные традиции наподобие погребального плача церковь официально осуждала за неискренность, наигранность горя [Мерридейл, 2019]. Традиции эти сохранялись и в городах: например, в Саратове в родительский день горожане, «отслужив панихиды, наплакавшись и, как *требовал того обычай*, повопив с разными многоречивыми причитаниями „умненько и столь трогательно, что всю нутренность воротило“, садились у могил справлять поминальную тризну» [Акульшина, 2020, с. 166].

Иными словами, эмоциональные сценарии (внутренние переживания и их внешние проявления), принятые (или желательные) в среде сравнительно хорошо образованного духовенства, расходились с крестьянскими, выражаясь в том числе в поведении на кладбище.

Обращаясь к широким массам, публицисты стремились воздействовать в первую очередь на их эмоции. Обосновывая необходимость приведения кладбищ в достойный вид, они апеллировали к «чувствам» паствы: «родственному чувству» [Изгородь для кладбищ, 1891, с. 339], «чувству благоговения» [Вологдин, 1898, с. 127], «чувству уважения» [Вологдин, 1898, с. 128], чувству жалости к одиночеству мертвых в неухаженных и забытых могилах. Ярким примером последнего служит обращение к публике причта и старосты Св. Николаевской Ново-Харбинской церкви города Нового Харбина. В нем изложена драматичная история русской женщины, брошенной мужем в Маньчжурии и скончавшейся от чахотки в местной больнице, осиротив малолетнего сына. Пока «чужие люди холодно хоронят бедную, неизвестную им, женщину», в России «доживающие свой век старцы-родители, не имея возможности совершить 10 000 верст в Харбин, предаются безутешной скорби о безвременной кончине их нежно-любимой дочери» [Воззвание, 1905, с. 60]. Рассказчик протягивает нить от образа одинокой могилы к образу «безмолвного» кладбища, на котором ввиду отсутствия церкви не звучат молитвы. Публикация завершается финальным воззванием — принять участие в сборе пожертвований на построение кладбищенского каменного храма в Новом Харбине [Воззвание, 1905, с. 61].

В сознании православных публицистов конца XIX — начала XX в. сохранялась вера в возможность сурового наказания свыше за несправедное отношение к мертвым и месту их упокоения. В популярном на страницах епархиальных ведомостей жанре «рассказа о чудесах» передан случай, как во время отправления панихид на кладбище в селе Кочу-

бееве Каменецкого уезда 11 июня 1890/1891 г., пока «благочестивые люди» молились об упокоении усопших, некоторые крестьяне «проводили время в корчме, в веселой беседе и попойке», за что и поплатились. С востока (!) пришла туча, над корчмой прогремел гром, «крик и вопль огласили все село»: «какая-то невидимая сила» нанесла грешникам «сильные раны на руках и особенно на ногах, целые полосы тела испеченные, точно раскаленным железом», а троих свалила насмерть. Одной из погибших стала женщина, жестоко наказанная, по-видимому, за то, что не только сама пренебрегла благочестием, но и принесла в корчму своего ребенка, подвергнув риску его душу (ребенка «молния» невредимым выбросила за дверь) [Грозное вразумление, 1892].

Покушение на кладбищенские ценности и намеренное нарушение порядка на кладбищах, судя по немногочисленности упоминаний об этом, не считались в то время серьезной проблемой (в отличие от часто обсуждавшейся на страницах епархиальных журналов проблемы пренебрежения их благоустройством). Антоний, епископ Тобольский и Сибирский, вскользь заметил, что на кладбищах Тобольской епархии можно увидеть «разрушенные временем и *расхищенные человеческими руками* надгробные памятники и ограды» [Антоний, 1901, с. 371], и другой автор указал, что обломки крестов и деревянных памятников время от времени служат топливом для пастушьих костров [Д. Н. Р., 1899, с. 321].

Близко к теме подходит история из раннехристианских времен, приведенная публицистом для того, чтобы в контексте рассуждений о современности придать живости и убедительности призыву «не нарушать мира и покоя успокоившихся от земных тревог». Герой этой истории, пытаясь ограбить гробницу девушки из богатой семьи, раздел тело «до последней сорочки», после чего покойница восстала с обличительной речью, пригрозив в наказание вору и осквернителю девичьей стыдливости, что «эта гробница будет общим жилищем — моим и твоим... здесь же после долгих мучений ты ужасным образом испустишь свою злую душу...» [Берегите могилки, 1896].

Кладбища служили точками притяжения исследовательского любопытства священников-этнографов, которые фиксировали для читателей необычные случаи или конфликтные ситуации, раскрывающие для нас специфику церковного восприятия этого пространства, представления о должном и недожном порядке обращения с ним.

В частности, «Скиталец» представил описание удивившего его обычая из одного села Вятской епархии: в этом селе надмогильные кресты-памятники было принято ставить не в ногах покойного (т. е. на восточном конце могильного холма), а над его головой, потому что, по словам местного клира, «на Голгофе животворящий Крест Спасителя был водружен над черепом праотца Адама» [Скиталец, 1915].

Сельский священник Омской епархии пересказал конфликты, связанные с кладбищами в его управлении. По его опыту, многие переселенческие поселки «полтавцев и черниговцев» (малороссов-переселенцев в Сибирь) желали иметь «самостоятельное» кладбище, ссылаясь на удаленность от приходского, действуя хитростью или вступая в прямую борьбу со священником [Из впечатлений..., 1911, с. 21–22]. Для устройства нового кладбища в то время требовалось возбудить дело в духовной консистории, определить участок земли и отмежевать его с помощью землеустроителя, получить

разрешение от духовного начальства [Васильева, 2015, с. 176]. Когда в 1896 г. в поселке Ц. Колодцы священник отказался освятить отдельное место под переселенческое кладбище, «переселенцы» устроили кладбище на месте, освященном им под хлебозапасный магазин, за что мировой судья приговорил «всех виновных в самовольном погребении умерших» к аресту на одни сутки, а некоторых «оштрафовал по одному рублю» [Из впечатлений, 1911, с. 19–20]. В другом случае между 1908–1910 гг. жители поселка Фоминского, все — переселенцы из Черниговской губернии, решили не заказывать у местного иерея молебны в отместку за его отказ бесплатно освятить им кладбище в «неустановленном месте» («нехай эти гроши лучше пропьем, а не дадим их пипу») [Из впечатлений, 1911, с. 21–22]. В итоге фоминцы все-таки устроили свое кладбище, несмотря на отсутствие разрешения епархиального начальства: священник убеждал их в отсутствии подобного права, фоминский староста отвечал, что «мы желаем хоронить и не будем ни кого спрашивать», на что священник пригрозил не отпевать их мертвых и не давать молитв и венчиков [Из впечатлений, 1911, с. 26–27].

Чем руководствовались в этих ситуациях «переселенцы»? Важным для крестьян мотивом являлось нежелание тратиться на погребальные церемонии на приходском кладбище, стремление хоронить своих мертвых поближе и подешевле. Священник заметил, что малороссы порой практикуют «самовольное» погребение без обряда отпевания — например, один крестьянин Ш-н из Ц. Колодцев похоронил так сына-младенца, «не смотря на то, что хата Ш-на стоит против храма» [Из впечатлений, 1911, с. 27], а также в подавляющем большинстве отказываются от заупокойной литургии [Из впечатлений, 1911, с. 31]. В его трактовке это происходило из «закаленной грубости этого народа», бесчувственности по отношению «к праху своих близких людей» [Из впечатлений, 1911, с. 30–31]; свою роль играли и привезенные с родины обычаи.

Связанные с «малороссами» конфликты вокруг кладбищ этим не ограничивались. Священник Г. Шорец Омской епархии (вполне вероятно, сочинитель предыдущей статьи про малороссов), выведивший в неприглядном свете сектантство («штундо-баптизм, молоканство, адвентизм и проч.»), изложил два сопутствующих сюжета. В первом случае, опираясь на слухи («по общему убеждению...»), он обвинил баптистов в «надругательстве... над православной верой» — разрушении каменного креста на могиле жены священника во время баптистских похорон [Шорец, 1915, с. 699–700]. Во втором случае центром религиозного конфликта стали сектантские похороны: в феврале 1914 г. в поселок Кругловский съехались сектанты:

«полагают, что... для погребения [православной — прим. А. А.] жены шалопута Крапивного... Однако, похороны сектантские не удалась. Для погребения усопшей прибыл приходский священник Г. Ш. [т. е. автор цитируемой публикации — прим. А. А.] и похоронил ее по православному обряду, не взяв с шалопута никакой платы за труд. (Она была своевременно напутствована св. Тайнами) ...» [Шорец, 1915, с. 702].

Иными словами, приходской клир беспокоили единичные проявления религиозно окрашенного вандализма и более частые попытки осуществления захоронений без положенных православному христианину ритуалов.

Главный мотив публикации священника-этнографа Г. Е. Верещагина — выяснение обстоятельств жизни елабужских юродивых, а также привлечение внимания к проблеме сохранности мест их упокоения. Местонахождение их могил сохранялось разве что в памяти сторожей, за редкими исключениями наподобие могилы «Козьмы юродивого, слывшего в народе „Тугулей“», который удостоился каменной плиты с развернутой стихотворной эпитафией, сочиненной, по мнению автора, «каким-нибудь духовным лицом» [Верещагин, 1909а, с. 282–283]. Эпитафия призывала «нести свой крест покорно», ожидая посмертного воздаяния «сторицей», и помнить, что на последнем суде не важны будут чины и богатства. Могила другого юродивого (Иродиона) тоже была отмечена каменным памятником: надпись на нем рассказывала в числе прочего про ношение умершим «тяжелых вериг» [Верещагин, 1909б, с. 300].

Нанесение надмогильной надписи «Христа ради юродивый» требовало разрешения кладбищенского духовенства, а памятник мог быть установлен по инициативе и за счет местного священника (как в случае с памятником Иродиону) [Верещагин, 1909б, с. 300–302]. Народное мнение о покойном колебалось от истинно «юродивого» до «истого дурака» [Верещагин, 1909б, с. 302].

Любопытно и для нашей источниковой подборки уникально свидетельство Г. Е. Верещагина о «профессиональной культуре» могильщиков (сторожей и могилокопателей) елабужского городского кладбища. Автор не был плохо знаком с этой категорией похоронных служащих, поскольку с 1895 по 1900 г. являлся диаконом кладбищенской церкви Елабуги (после чего получил сан священника и был переведен в другую церковь) [Верещагин Г. Е.]. Однако в публикации он намеренно выступил в роли заезжего любопытствующего наблюдателя: в тексте он ни разу не назвал себя священнослужителем, зато счел нужным специально заметить, что «они [могильщики — прим. А. А.] знали меня, как *этнографа*» [Верещагин, 1909а, с. 288 ; курсив наш]. Принадлежность к клиру легко прочитывается в авторских сравнениях и репликах («Воскресающая на могилах зелень, служа живым напоминанием одиннадцатого члена символа веры...»; «Кладбище следует окуривать кадильным, а не табачным дымом»; «Читал ты пророчество Иезекииля, — напомнил я... и привел слова пророка» [Верещагин, 1909а, с. 282–285]).

Необходимость устройства новых могил на переполненном кладбище приводила к тому, что «старые кости выбрасывались из могил и потом обратно швырялись с лопаты» [Верещагин, 1909а, с. 282, 285–286]. Могильщики не считали, что тем самым наносят мертвым обиду, и не боялись навлечь на себя их недовольство: «ничего, покойник не осердится» [Верещагин, 1909а, с. 285]. Пренебрежительно-циничное обращение с останками проистекало как из условий служебной практики, так и из своеобразного религиозного фатализма с «профессиональным» отпечатком: спешить не следует — «всю работу не кончишь, рано ли, поздно ли — на кладбище же будешь», «до нас люди табачничали, после нас будут» [Верещагин, 1909а, с. 284]. Притом образ идеальной смерти они рисовали конфессионально-традиционный: «только бы Бог привел умереть на родине и, главное, христианскою смертью» [Верещагин, 1909а, с. 284]. «Профессиональный цинизм» [Фот, 2017, с. 65], по выражению А. Г. Фот, был присущ и духовенству,

формируясь на фоне тяжелых обстоятельств служения и многочисленных столкновений с фактами смерти.

Один из могильщиков невозмутимо закурил при священнике и стал тут же бросать окурки. В ответ священнослужитель заметил, что «кладбище следует окуривать кадильным, а не табачным дымом» [Верещагин, 1909а, с. 284]. Поведение могильщика может объясняться тем, что запрет на курение на кладбищенской земле (и вообще на курение) воспринимался как надуманный, рожденный духовенством и чуждый народной культуре: на кладбищах население курило и выпивало [Епархиальная хроника ..., 1914, с. 317; Акульшина, 2020, с. 166], что осуждалось извне, церковью, но не изнутри — народным обычаем. В то же время Г. Е. Верещагин к образу именно этого «табачика» добавил «некоторое сомнение» в том, что «кости» действительно оживут [Верещагин, 1909а, с. 285]: тем самым он мог в художественной форме связать курение как акт безнравственный со слабостью религиозной веры, в частности веры в воскресение. Также по тексту этот могильщик отличался «швыряньем» костей, «любовью к балагурству» и неграмотностью [Верещагин, 1909а, с. 284–285]; ему же автор приписал нежелание вникать в жизненные перипетии тех, «которых почти каждый день приходится зарывать» [Верещагин, 1909а, с. 287].

Курение на погостах порицалось и рядовым священнослужителем, и епископом. По словам Варнавы, Епископа Тобольского и Сибирского, «даже на воротах многих заводов... имеются предупредительные объявления — „курить строго запрещается“, и за ослушание виновные подвергаются штрафу, а иногда даже и увольнению... А нас накажет за это сам Господь» [Епархиальная хроника ..., 1914, с. 317].

Могильщикам не чужды оказались суеверия, связанные с останками: различия во внешнем виде костей («У одного покойника они белы, точно снег, у другого — бурые, темно-бурые; попадаются даже черные, как уголь») они были склонны связывать с нравственным обликом покойников, а также с местом их захоронения (ближе к церкви «черепки отличались особенной белизной») [Верещагин, 1909а, с. 286]. В качестве повода к размышлению могильщик-«грамотей», увлекавшийся чтением духовной литературы, привел историю о том, как археологи в 1889 г. «вырыли монаха в дубовом корыте... кости его, говорят, были белы, точно воск» [Верещагин, 1909а, с. 286]. Идея о причинно-следственной связи между цветом костей и благочестием, судя по всему, была почерпнута им из публикации про афонский обычай откапывать кости умерших и по их внешнему виду судить о святости монахов [см. об этом обычае: Успенский, 2014, с. 50–53]. Сам Г. Е. Верещагин выразил сомнение в достоверности подобных наблюдений.

Заключение

Таким образом, в церковной публицистике нашло отражение восприятие кладбища с точки зрения религиозного идеала, поддерживавшегося духовным сословием, как места, где истина христианского учения (неизбежный плотский распад, озаренный надеждой на воскресение) получает наглядное изображение, где расширяется временная

перспектива (от времени одной человеческой жизни — к многовековой протяженности); где в благочестивых прогулках, в любовании природой происходит приобщение человека к этой истине, привыкание к мысли о собственной смертности; и где религиозно просвещенный человек испытывает особые эмоциональные переживания.

Духовенство, однако, осознавало и критически комментировало тот факт, что проповедуемое церковью деятельное уважение к кладбищам не оказывало значительного влияния на народные массы, которые в ряде случаев оспаривали право священнослужителей распоряжаться погребальной землей, предпочитали собственные внецерковные формы проявления горя по умершим. Большинство сельских и городских кладбищ оставались неблагоустроенными, в том числе ввиду бездеятельности родственников покойных. Даже в картине мира кладбищенских служителей — могильщиков и сторожей — духовенство не находило торжественно-почтительного отношения к захоронениям, зато обнаруживало суеверия и проявления пренебрежительно-фаталистического отношения к мертвым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А. М. 1913. Священник о. Валентин Серебренников // *Тобольские епархиальные ведомости*. № 17. С. 342.
- Акульшина Е. Ю. 2020. Проблема содержания саратовского воскресенского кладбища в последней трети XIX – начале XX в. // *Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова (Саратов, 26 сентября 2020 г.)* / под ред. М. В. Зайцева. Саратов: Саратовский источник. С. 161–173.
- Андрюнина М. А. 2015. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект (украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции): дис. ... кандидата филологических наук. Москва. 355 с.
- Антоний, епископ Тобольский и Сибирский. 1901. Воззвание к ревнующим о христианской жизни жителям Тобольской епархии // *Тобольские епархиальные ведомости*. № 21. Отдел офиц. С. 369–371.
- Берегите могилки. 1896 // *Пермские епархиальные ведомости*. № 12. С. 278–281.
- Брянчанинов Игнатий. 1848. Кладбище // Библиотека «Святоотеческое наследие». 20 мая. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ignatij_br/tom_1/txt_23.html (дата обращения: 22. 10.2022).
- Васильева А. В. 2015. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск. 261 с.
- Верещагин Г. Е. // Елабуга литературная. URL: <https://lkelabuga.jimdofree.com/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B8/%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%B3-%D0%B5/> (дата обращения: 22.10.2022).
- Верещагин Гр. 1909а. Прикамские юродивые // *Вятские епархиальные ведомости*. № 11. С. 281–288.
- Верещагин Гр. 1909б. Прикамские юродивые // *Вятские епархиальные ведомости*. № 12. С. 300–307.
- Воззвание. 1905 // *Рязанские епархиальные ведомости*. № 2. С. 60–61.

- Володин П. А. 1898. К вопросу о благоустройстве кладбищ // Пермские епархиальные ведомости. № 7. С. 127–129.
- Вырыпаев Ст. 1903. Из села Исетского Ялуторовского уезда // Тобольские епархиальные ведомости. № 3. С. 66–67.
- Грозное вразумление. 1892 // Пермские епархиальные ведомости. № 5. С. 180–181.
- Д. Н. Р. 1899. О сельских кладбищах // Тобольские епархиальные ведомости. № 17. С. 320–325.
- Егоров Алексей, священник. 1915. Памяти о С. Веселовского // Тобольские епархиальные ведомости. № 10. С. 127.
- Елистратов И., священник. 1916. Похороны // Тобольские епархиальные ведомости. № 22. С. 387–389.
- Епархиальная хроника. Служения Архипастыря. 1914 // Тобольские епархиальные ведомости. № 19. С. 313–320.
- Загваздин Е. П. 2017. «Похороните меня в ограде»: отражение экстраординарной погребальной практики в материалах Тобольской духовной консистории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 3. № 4. С. 150–162. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162>
- Из впечатлений сельского священника. 1911 // Омские епархиальные ведомости. № 14. Отдел неофиц. С. 18–37.
- Изгородь для кладбищ // Вятские епархиальные ведомости. 1891. № 12. С. 339–340.
- Конюченко А. И. 2006. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск: ЦНТИ. 210 с.
- Леонтьева Т. Г. 2002. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф. 272 с.
- Лепехин И., священник. 1893. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 9–10. С. 171–174.
- М. К., священник. 1902. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 23. С. 445–446.
- Меньщиков Павел. 1888. На кладбище // Тобольские епархиальные ведомости. № 9–10. С. 223.
- Мерридейл К. 2019. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века. АСТ.
- Миронова Е. В. 2018. Архангельское кладбище Казани: опыт исторического исследования // Историческая этнология. Т. 3. № 1. С. 137–148.
- Не нужно забывать родных могилочек // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 412–413.
- Невский Н., священник. 1891. Об охранении и украшении кладбищ // Курские епархиальные ведомости. № 2. Отдел неофиц. С. 22–27.
- Некролог. 1913 // Тобольские епархиальные ведомости. № 20. С. 410–412.
- Протопопов Н., священник. 1913. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 18. С. 367–368.
- С. С., священник. 1910. Слово в пяток 4-й седмицы по Пасхе и в день священного коронования Их Императорских Величеств // Рязанские епархиальные ведомости. № 12. С. 418–424.

- С. О., свящ. 1916. Андрей Родионов // Тобольские епархиальные ведомости. № 20. С. 331–332.
- Священник Василий Гаврилович Серков // Тобольские епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 179–182.
- Седакова О. А. 2004. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: «Индрик». 320 с.
- Скиталец. 1915. О надмогильных крестах-памятниках // Вятские епархиальные ведомости. № 21. Отдел неофиц. С. 711–712.
- Служения Архипастыря // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 14. С. 190–196.
- Соболев Георгий, свящ. 1913. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 9. С. 179–180.
- Успенский Б. А. 2014. Русская духовность и иконопочитание // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории / под ред. Ф. Б. Успенского, Б. А. Успенского. М.; СПб: Нестор-История. 1913. Вып. 3. С. 38–71.
- Филиппова С. В. 2009. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 80–96.
- Фот А. Г. 2017. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург. 325 с.
- Хоротевский П., свящ. 1908. Язычники и Христиане. (Параллель) // Рязанские епархиальные ведомости. № 12. С. 451–454.
- Шорец Герасим, свящ. 1915. Сектанство в Тюкалинском уезде, Тобольской губернии // Тобольские епархиальные ведомости. № 44. С. 698–706.

References

- A. M. (1913). Proest Valentin Serebrennikov. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (17), 342. [In Russian]
- Akulshina, E. Yu. (2020). The problem of the maintaining the Saratov Voskresenskoe Cemetery in the last third of the 19th – early 20th c. *Proceedings of the Research Conference "Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XVI–XXI vekov (September 26, Saratov)", Russia*, 161–173. [In Russian]
- Andryunina, M. A. (2015). *Space symbolism in slavic funeral and memorial rituals: ethnolinguistic aspect (ukrainian, belarusian, western russian and polish traditions)* [dissertation, Moscow]. [In Russian]
- Antoniy, episkop Tobol'skiy i Sibirskiy. (1901). Appeal to those who are zealous for the Christian life in the Tobolsk diocese. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (21), 369–371. [In Russian]
- Look after graves. (1896). *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 278–281. [In Russian]
- Bryanchaninov, Ignatij. (1848). Cemetery. *Biblioteka Svyatootecheskoe nasledie*. Retrieved October 22, 2022, from http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ignatij_br/tom_1/txt_23.html [In Russian]
- Vasilyeva, A. V. (2015). *Sociocultural Image of the Orthodox Clergy in Western Siberia at the late 19th–early 20th c.* [dissertation, Omsk]. [In Russian]

- Vereshchagin G. E. (n.d.). *Elabuga literaturnaya*. Retrieved October 22, 2022, from <https://lkelabuga.jimdofree.com/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B8/%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%B3-%D0%B5/> [In Russian]
- Vereshchagin, Gr. (1909). Prikamsky yurodivye. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (11), 281–288. [In Russian]
- Vereshchagin, Gr. (1909). Prikamsky yurodivye. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 300–307. [In Russian]
- Vozzvanie. (1905). *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (2), 60–61. [In Russian]
- Vologdin, P. A. (1898). On the improvement of cemeteries. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (7), 127–129. [In Russian]
- Vyrypaev, St. (1903). From the village of Isetsky, Yalutorovsky uyezd. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (3), 66–67. [In Russian]
- A formidable admonition. (1892). *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (5), 180–181. [In Russian]
- D. N. R. (1899). About rural cemeteries. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (17), 320–325. [In Russian]
- Egorov, Aleksey. (1915). To the memory of priest S. Veselovsky. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (10), 127. [In Russian]
- Elistratov, I. (1916). Funerals. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (22), 387–389. [In Russian]
- Diocesan Chronicle. Services of the Archpastor. (1914). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (19), 313–320. [In Russian]
- Zagvazdin, E. P. (2017). “Bury me in the enclosure”: reflection of the extraordinary grave practice in the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 3(4), 150–162. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162> [In Russian]
- A country priest's impressions. (1911). *Omskie eparkhial'nye vedomosti*, (14), 18–37. [In Russian]
- Cemetery fencing. (1891). *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 339–340. [In Russian]
- Konyuchenko, A. I. (2006). *Tones and Semitones of the Orthodox White Clergy of Russia (second half of the 19th–early 20th century)*. TsNTI. [In Russian]
- Leontyeva, T. G. (2002). *Faith and Progress: Russian Orthodox Rural Clergy in the second half of the 19th–early 20th centuries*. Novyy khronograf. [In Russian]
- Lepkhin, I. (1893). Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (9–10), 171–174. [In Russian]
- M. K. 1902. Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (23), 445–446. [In Russian]
- Menshchikov, Pavel. (1888). On the cemerety. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (9–10), 223. [In Russian]
- Merridale, C. (2019). *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. AST. [In Russian]
- Mironova, E. V. (2018). Arkhangelsk cemetery of Kazan: experience of historical research. *Istoricheskaya etnologiya*, 3(1), 137–148. [In Russian]
- Do not forget family graves. (1915). *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (13), 412–413. [In Russian]
- Nevskiy, N. (1891). On the protection and decoration of cemeteries. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*, (2), 22–27. [In Russian]
- Necrologue. (1913). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (20), 410–412. [In Russian]

- Protopopov, N. (1913). Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (18), 367–368. [In Russian]
- S. S. (1910). Word on the fifth of the fourth week after Easter and on the day of the coronation of Their Imperial Majesties. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 418–424. [In Russian]
- S. O. (1916). Andrey Rodionov. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (20), 331–332. [In Russian]
- Priest Vasiliy Gavriilovich Serkov. (1903). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (7), 179–182. [In Russian]
- Sedakova, O. A. (2004). *The Poetics of Rite. Funeral Rituals of the Eastern and Southern Slavs*. Indrik. [In Russian]
- Skitalets. (1915). On grave crosses-monuments. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (21), 711–712. [In Russian]
- Archpastoral services. (1915). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (14), 190–196. [In Russian]
- Sobolev, Georgiy. (1913). Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (9), 179–180. [In Russian]
- Uspenskiy, B. A. (2014). Russian spirituality and icon veneration. In F. B. Uspenskiy and B. A. Uspenskiy (Eds.), *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii* (Vol. 3, pp. 38–71). Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Filippova, S. V. (2009). Cemetery as a symbolic space of social stratification. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, (4), 80–96. [In Russian]
- Fot, A. G. (2017). *Daily Life of the Orthodox Parish Clergy of the Orenburg diocese in the second half of the 19th–early 20th c.* [dissertation]. Orenburg. [In Russian]
- Khorotevskiy, P. (1908). Pagans and Christians. (Parallel). *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 451–454. [In Russian]
- Shorets, Gerasim. (1915). Sectarianism in Tyukalinsky Uyezd, Tobolsk Province. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (44), 698–706. [In Russian]

Информация об авторе

Анна Андреевна Бушуева, магистр исторических наук, аспирантка 4 курса, Курганский государственный университет, Курган, Россия
anna_b2022@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>

Information about the author

Anna A. Bushueva, M. A. in History, 4th year Ph. D. student, Kurgan State University, Kurgan, Russia
anna_b2022@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>